

Тема 4: «Политические и правовые учения в Западной Европе и США в XVII – XVIII вв. Эпоха Просвещения»

Учебная литература:

1. История политических и правовых учений: учебник / Под общ. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма.: ИНФРА-М, 2014. 655 с.
2. Мазарчук, Д.В. История политических и правовых учений: учебное пособие / Д.В. Мазарчук. М.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2015. 101 с.
3. История политических и правовых учений: учебник / отв. ред. В.В. Лазарев. 3е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 800 с.
4. История политических учений. Вып.1 / Н.М. Азаркин, В.Н. Левченко, О.В. Мартышин. М.: Юрист, 1994. 132 с.
5. История политических учений. Вып.2,3 / под ред. О.В. Мартышина. М.: Юрист, 1996-2000. 368, 560 с.
6. История политических и правовых учений: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 656 с.
7. История политических и правовых учений: Хрестоматия / Сост. и ред. Г.Г. Демиденко, Г.А. Борисов. Белгород, 1999. 1158 с.
8. История политических и правовых учений: Хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. М.: Городец, 2000. 512 с.

Вопрос 1 Общая характеристика развития западноевропейской политико-правовой мысли в XVII-XVIII вв. Буржуазные революции и эпоха Просвещения

Возрождение и Реформация – самые крупные и знаменательные события позднего западноевропейского средневековья. Несмотря на хронологическую принадлежность эпохе феодализма, они по своей социально-исторической сути представляли собой антифеодальные, раннебуржуазные явления, подрывавшие устои старого, средневекового мира. Разрыв с господствовавшим, но уже превращающимся в анахронизм феодальным укладом жизни, утверждение принципиально новых стандартов человеческого бытия – вот что составляло основное содержание Возрождения и Реформации. Естественно, что это содержание видоизменялось и развивалось, приобретая в каждой из стран Западной Европы специфические черты, национально-культурную окраску.

Когда говорят о Возрождении, имеют в виду период кризиса римско-католической церкви и защищаемой ею ортодоксальной религии, формирования антисхоластического типа мышления, гуманистической культуры, искусства и мировоззрения.

Реформация же представляла собой облеченное в религиозную форму и буржуазное по социальной природе движение против феодального строя, выступление против защищавшего этот строй католицизма, борьбу против непомерных притязаний римской курии.

Для Возрождения и Реформации характерны такие общие моменты, как: ломка феодальных и возникновение раннекапиталистических отношений, усиление авторитета буржуазных прослоек общества, критический пересмотр (в отдельных случаях – отрицание) религиозных учений, серьезный сдвиг в сторону секуляризации, «обмирщения» общественного сознания.

Будучи по своему социально-историческому смыслу антифеодальными, пробуржуазными явлениями, Возрождение и Реформация в своих высших (точнее, наивысших) результатах превзошли дух буржуазности, вышли за его пределы. Благодаря этому обрели жизнь такие образцы социокультуры, которые стали органичными и непреходяще актуальными компонентами всего последующего поступательного развития цивилизованного человечества. В ряд подобных замечательных образцов включается также известная совокупность политико-юридических ценностей и идей.

В процессе выработки последних деятели Возрождения и Реформации постоянно обращалась к духовному наследию античности, интенсивно его использовали. Конечно, такого рода обращения знало и западноевропейское средневековье. Однако сами фрагменты античной культуры, которые отбирались и переносились в современный феодальному средневековью контекст, а главное – способы, мотивы и цели их использования были существенно иными, чем в практике Возрождения и Реформации.

Идеологи Возрождения и Реформации не просто черпали требовавшиеся им представления о государстве, праве, политике, законе и т.п. из сокровищницы духовной культуры античной цивилизации. Демонстративное обращение к эпохе античности являлось у них прежде всего выражением неприятия, отрицания господствовавших и санкционированных католицизмом политико-юридических порядков и доктрин феодального общества. Именно эта установка определяла в конечном счете направление поиска в античном наследии государствоведческих идей, теоретико-правовых построений (моделей), нужных для решения новых исторических задач, которые встали перед людьми Возрождения и Реформации. Данная установка обуславливала и характер трактовок соответствующих политико-юридических воззрений, влияла на выбор форм практического приложения таковых.

В борьбе со средневековой консервативно-охранительной идеологией возникла система качественно иных социально-философских взглядов. Ее сердцевиной сделалась мысль о необходимости утверждения самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья. Такой гуманистический настрой складывающейся системы социально-философских взглядов побуждал находить и в античном мировоззрении прообразы, созвучные упомянутому настрою, «работающие» на него.

В миропонимании Возрождения считалось, что судьба человека должна предопределяться не его знатностью, происхождением, званием, конфессиональным статусом, а исключительно его личной доблестью, проявляемой активностью, благородством в делах и помыслах. Приобрел актуальность тезис о том, что одно из главных слагаемых достоинства индивида – гражданственность, бескорыстное инициативное служение общему благу. В свою очередь, под понятие общего блага стало подводиться представление о государстве с республиканским устройством, опирающемся на принципы равенства (в смысле ликвидации сословных привилегий и ограничений) и справедливости. Гарантии же равенства и справедливости, залог свободы личности усматривались в издании и соблюдении законов, содержание которых согласуется с естеством человека. В рамках возрожденческого миропонимания была обновлена стародавняя концепция общественного договора. С ее помощью объяснялись как причины возникновения государства, так и легитимность государственной власти. Причем ударение ставилось на значении свободного изъявления своей воли всеми организующимися в государство людьми, обычно добрыми по природе.

Несколько по-иному обстояло дело в идеологии Реформации. В ней, правда, признавалась известная ценность земной жизни и практической деятельности людей. Признавалось право человека самому принимать решения по важным для него вопросам, отчасти отдавалось должное определенной роли светских учреждений. Такие и аналогичные им положения позволяют говорить о том, что дохристианские и внехристианские авторы оказали некоторое влияние на политико-юридическую мысль Реформации. Но все же главным ее источником было Священное Писание, Библия (в особенности – Новый Завет).

Возвращаясь к общей оценке социально-исторического значения политических и правовых идей Возрождения и Реформации, необходимо пояснить, какое конкретно содержание подразумевается, когда эти идеи аттестуются как раннебуржуазные. Во-первых, «ранняя буржуазность» означает отрицание феодально-средневековых экономических порядков, политико-юридических институтов, духовных ценностей с позиций более высоко стоящего на исторической лестнице общества – с позиций буржуазного строя. Во-вторых,

она предполагает совпадение по ряду пунктов жизненных интересов разнородных социальных групп, подвергавшихся в феодальную эпоху эксплуатации, угнетению, притеснениям, ограничениям. В-третьих, «ранняя буржуазность» предполагает неразвитость (либо вообще отсутствие) тех специфических экономических, политических, социальных и других отношений, которые вызревают и становятся господствующими с победой буржуазного способа производства, буржуазного образа жизни. Своеобразие и величие многих идей Возрождения и Реформации, сопровождавших и ускорявших начало возникновения новой эпохи всемирной истории, как раз и состоит в том, что они еще открыты для восприятия общечеловеческих социокультурных ценностей и благоприятствования им.

XVII в. ознаменовался победой первых антифеодальных революций в Нидерландах (1565-1609 гг.) и Англии (1640-1649, 1668-1689 гг.), открывших путь новым буржуазным преобразованиям государственно-правового устройства, взаимоотношений человека и государства. Новая политико-правовая идеология, подготовленная идеями Возрождения и Реформации, антифеодальными лозунгами революций, основывалась на 1) неприятии религиозной догматики, кальвинизме с его протестантской этикой (личный аскетизм, трудолюбие, деловая честность и т. п.); 2) рационализме, логике в анализе и оценке общественных отношений и явлений; 3) идеях естественного права и договорного происхождения государства, рожденных античной политико-правовой мыслью.

Классическим воплощением нового, «юридического мировоззрения» явилась складывающаяся теория естественного права, получившая впоследствии широкое распространение. Она основывалась на признании всех людей от природы равными и наделенными естественными правами, разумом и свободной волей. Предписания естественного права требуют соответствия им позитивного, т. е. действующего права.

Просвещение – прогрессивное идейное и культурное течение второй половины XVII–XVIII в., эпохи перехода от феодализма к капитализму, ставшее идеологической подготовкой революций в Европе. Его крупнейшие деятели – Дж. Локк в Англии, Вольтер, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, П. Гольбах, К. Гельвецкий, Д. Дидро и другие во Франции; С. Пуфендорф, Х. Томазий, Х. Вольф, Ф. Шиллер, И. Гете в Германии; Д. Вико, Ч. Беккариа в Италии; Т. Пейн, Б. Франклин, Т. Джефферсон в США ставили целью преодоление темноты и невежества народа путем распространения рационального знания, новых ценностей и идеалов, гуманизма, уважения человеческой личности. Они боролись за установление «царства разума», основанном на «естественном равенстве», за политические и гражданские свободы.

Идеи и идеалы Просвещения оказали значительное влияние на направление, содержание и способы развития науки о праве и государстве.

Великая Французская революция XVIII в. продолжила цепь радикальных социально-политических преобразований в истории Европы. Ее идейные основания были подготовлены трудами философов-просветителей, стремившихся обосновать новую науку об обществе на основании разума и опытных данных. Среди них двое философов уделили первостепенное внимание проблемам теории государства и права. Первый – Ш. Монтескье выработал умеренную и прагматичную теорию представительного правления, тогда как в трудах второго – Ж.-Ж. Руссо была обоснована радикальная концепция народного суверенитета и критики цивилизации.

Вопрос 2 Политико-правовые взгляды Гуго Гроция

Гуго Гроций (1583–1645) – выдающийся голландский юрист и политический мыслитель, один из основателей раннебуржуазного учения о государстве и праве, рационалистической доктрины естественного и международного права Нового времени.

Гроций был энциклопедически образованным и плодовитым автором, создавшим более 90 произведений по истории и теории государства и права, проблематике войны и мира,

международного, естественного и канонического права. Его основной труд – это фундаментальное произведение "О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права" (1625).

Обосновывая свой юридический подход, Гроций подчеркивал, что предмет юриспруденции – это вопросы права и справедливости, а предмет политической науки – целесообразность и польза.

Для того чтобы придать юриспруденции "научную форму", согласно Гроцию, необходимо тщательно отделить то, "что возникло путем установления, от того, что вытекает из самой природы", ибо в научную форму может быть приведено лишь то, что вытекает из природы вещи и всегда пребывает тождественным самому себе (т. е. естественное право), тогда как то, что возникло путем установления (в частности, установление государства путем договора, волеустановленные формы права – божественное право, государственные законы, право народов), изменчиво во времени, различно в разных местах и, подобно всем остальным единичным вещам, лишено какой-либо научной системы. Поэтому, отмечал Гроций, в юриспруденции следует различать "естественную, неизменную часть" и "то, что имеет своим источником волю".

В соответствии с таким пониманием предмета юриспруденции существенное значение Гроций придавал предложенному еще Аристотелем делению права на естественное и волеустановленное.

Естественное право при этом определяется им как "предписание здравого разума". Согласно этому предписанию то или иное действие – в зависимости от его соответствия или противоречия разумной природе человека – признается либо морально позорным, либо морально необходимым. Естественное право, таким образом, выступает в качестве основания и критерия для различения должного (дозволенного) и недолжного (недозволенного) по самой своей природе, а не в силу какого-либо волеустановленного (людьми или богом) предписания (дозволения или запрета).

Естественное право, согласно Гроцию, – это и есть "право в собственном смысле слова", и "оно состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже принадлежит, и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности". Источником этого права в собственном смысле (т. е. естественного права, которое вместе с тем и есть справедливость) является, согласно Гроцию, вовсе не чья-либо выгода, интерес или воля, а сама разумная природа человека как социального существа, которому присуще стремление к общению (общительность), "но не всякая общительность, а именно стремление к спокойному и руководимому собственным разумом общению человека с себе подобными".

В соответствии с этой разумной социальной общительностью человеку присуща способность к знанию и деятельности согласно общим правилам. Такое соблюдение общих правил общежития и есть "источник так называемого права в собственном смысле: к нему относятся как воздержание от чужого имущества, так и возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания".

Характеризуя естественное право как право в собственном, тесном смысле слова, Гроций отмечает, что право в более широком смысле (т. е. формы волеустановленного права) является правом в конечном счете постольку, поскольку не противоречит разумной человеческой природе и естественному праву. "Сказанное нами, – пишет Гроций, – в известной мере сохраняет силу даже в том случае, если допустить – чего, однако же, нельзя сделать, не совершая тягчайшего преступления, – что Бога нет или что он не печется о делах человеческих".

На основе своей концепции естественного права (и соответствующего ему волеустановленного права) Гроций стремился создать такую нормативно значимую, аксиоматическую систему юриспруденции, общие начала и положения которой можно было бы легко применить к конкретным реальным ситуациям внутри отдельных государств и к

отношениям между государствами.

Возражая против представлений о том, что справедливость – это лишь польза сильных, что право создается силой, что именно страх побудил людей изобрести право, чтобы избежать насилия и т. д., Гроций в своей договорной концепции стремился показать, что происхождение государства и внутригосударственного права (законов) является логически неизбежным следствием бытия естественного права. "Так как, – писал он, – соблюдение договоров предписывается естественным правом (ибо ведь было необходимо, чтобы между людьми существовал какой-нибудь порядок взаимных обязательств, иного же способа, более согласного с природой, невозможно изобрести), то из этого источника проистекли внутригосударственные права. Ибо те, которые вступили в какое-нибудь сообщество или подчинялись одному либо многим, тем самым или дали словесное обещание, или же должно предположить, что в силу природы самой сделки они молчаливо обязались последовать тому, что постановит большинство членов сообщества или же те, кому была вручена власть".

Из трактовки Гроцием проблем возникновения внутригосударственного права, перехода от "естественного состояния" к "гражданскому обществу" и государству следует, что в сфере политики к правовому принципу справедливости присоединяется политический принцип пользы (и целесообразности). При этом в качестве исходной и определяющей причины возникновения и бытия политических явлений (государства и государственных законов) выступает естественное право (и справедливость), а польза и целесообразность – лишь как повод.

По существу, такова же и логика происхождения международного права, которое как форму волеустановленного права Гроций в работе "О праве войны и мира" (расходясь в этом вопросе с римскими юристами, многими античными и средневековыми авторами) отличает от права естественного. Подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так и известные права, возникающие путем взаимного соглашения между всеми государствами или большинством государств, возникают в интересах обширной совокупности всех таких сообществ, а не каждого сообщества (государства) в отдельности. Это право и является, по Гроцию, правом народов, "которое получает обязательную силу волею всех народов или многих из них".

Проблема соотношения права и силы – это в концепции Гроция прежде всего проблема связи естественного права (т. е. права в собственном, тесном смысле слова) с проистекающими из него волеустановленными формами права, образованными путем добровольного соглашения гражданскими властями и государственными институтами. И в этом смысле сила в принципе трактуется Гроцием в качестве средства практической реализации требований естественного права во внутригосударственной жизни и в международном общении.

Присущая человеческой природе разумная общительность (представленная в естественном праве), а также проистекающее из требований естественного права сочетание в волеустановленных формах права справедливости и пользы (права и силы) находят свое необходимое выражение в государстве, которое в учении Гроция как бы дедуктивным путем выводится в качестве следствия из начал естественного права. "Государство же, – подчеркивал Гроций, – есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы".

Такое определение государства, находящееся под заметным влиянием идей Аристотеля (государство как высшая и совершенная форма общения свободных людей) и Цицерона (государство как правовое общение и форма защиты общей пользы), вместе с тем выражает концепцию договорного происхождения государства.

Догосударственная стадия жизни людей характеризуется Гроцием как "естественное состояние". В целом как внутренняя логика осуществления естественного права, так и внешне-событийная сторона развития естественного состояния привели к тому, что "люди объединились в государство", причем "не по божественному повелению, но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда

ведет свое происхождение гражданская власть". Государство, следовательно, является, по Гроцию, чисто человеческим установлением, хотя оно и было потом одобрено богом как благотворное для человечества.

По своему социальному смыслу государство в трактовке Гроция выступает как соглашение большинства против меньшинства, как союз слабых и угнетенных против сильных и могущественных, а не как "заговор богачей" (Т. Мор) против бедных и слабых.

Сущность верховной власти состоит, по Гроцию, в том, что это – власть, действия которой не подчинены никакой другой власти и не могут быть отменены по усмотрению чужой власти. Под верховной властью, таким образом, имеется в виду суверенная власть. Общим носителем верховной власти (т. е. суверенитета) является государство в целом (как "совершенный союз"), носителем же власти в собственном смысле может быть одно или несколько лиц – сообразно законам и нравам того или иного народа. "Народы, подпавшие под господство другого народа, т. е. потерявшие свой суверенитет, – это, по оценке Гроция, – не государства сами по себе в современном смысле слова, но лишь подчиненные члены объемлющего их государства". Суверенитет, следовательно, составляет отличительный признак государства вообще.

Рассматривая классификацию форм правления, данную различными авторами (Аристотелем, Цицероном, Сенекой и др.), Гроций упоминает царскую (единодержавную) власть, власть знатнейших вельмож, свободную гражданскую общину, демократическую республику и т. д. Форма правления, по его оценке, не имеет существенного значения: "народ может избрать любой образ правления, ибо тот или иной правопорядок следует оценивать не с точки зрения преимуществ его формы, о чем суждения людей весьма расходятся, но с точки зрения осуществления в нем воли людей". Вместе с тем очевидны как его отрицательное отношение к тирании (которое основано на насилии и где отсутствует правопорядок), так и предпочтение, отдаваемое единоличной и аристократической формам правления. Хотя по своим политическим убеждениям он был аристократически ориентированным буржуазным мыслителем и сторонником правления представителей торгово-промышленной верхушки голландского общества, однако он не отвергал и демократическую форму правления.

Не отрицая саму возможность суверенитета народа (принадлежности ему верховной власти), Гроций вместе с тем приложил много усилий для опровержения мнения, будто "верховная власть всюду и без изъятия принадлежит народу, так что государей, которые злоупотребляют своей властью, следует низлагать и карать".

Специальное внимание Гроций уделяет вопросу о праве подданных сопротивляться верховной власти или подчиненным органам, действующим по уполномочию верховной власти. В целом он считал, что собственные права и свободы подданных (во всяком случае те из них, которые связаны с действиями по сопротивлению властям) прекращаются с заключением соглашения об учреждении государства и гражданской власти. При этом праву подданных на сопротивление властям он противопоставляет "закон о непротавлении", отступления от которого допустимы лишь в случае крайней необходимости и при условии, если вооруженное сопротивление подданных насилию начальствующих лиц не причинит величайшего потрясения государству или не приведет к гибели многих невинных.

Политико-правовое учение Гроция как во внутригосударственных, так и в международных отношениях нацелено на утверждение правовых начал и достижение мира. Вслед за Тацитом Гроций считал, что "на самом деле наибольшую важность представляет вопрос о том, что предпочтительнее – свобода или мир". И, судя по позиции Гроция, несомненное предпочтение при конфликте этих ценностей он отдает миру. Показательна в этой связи и его ссылка на выразительное суждение Фавония о том, что "гражданская война хуже незаконного правления".

Обосновывая необходимость правового оформления и регулирования международных отношений и прежде всего проблем войны и мира, Гроций критиковал распространенное мнение, что война совершенно несовместима с правом. "Невозможно, – подчеркивал он, – не

только согласиться с измышлениями некоторых, будто во время войны прекращаются все права, но и даже не следует ни начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, так соблюдая границы права и добросовестности".

Война как таковая, согласно Гроцию, не противоречит естественному праву: "по природе каждый является защитником своего права, для чего нам и даны руки". Не запрещена война также божественными законами и правом народов. Но это вовсе не означает, что все войны справедливы. Различая войны справедливые и несправедливые, Гроций в духе своего юридического подхода к данной проблематике подчеркивал, что "справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение". К справедливым он, в частности, относил войны оборонительные, войны для сохранения целостности государства, защиты имущества.

Несправедливые войны (войны захватнические, войны в целях овладения чужим имуществом, покорения других народов) представляют собой противоправное состояние (нарушение требований естественного права, божественных законов, положений права народов). Зачинщики несправедливой войны, подчеркивал Гроций, "обязаны к возмещению за содеянное их силами или по их совету". Они ответственны за все то, чем сопровождается война, и за ее последствия.

В целом для всего учения Гроция о войне и мире весьма характерен миротворческий пафос. Показательны в этой связи и его суждения о том, что "войны ведутся ради заключения мира" и что мир является "конечной целью войны".

Учение Гроция о праве войны и мира было ориентировано на формирование нового типа мирового сообщества, основанного на рационально-правовых принципах равенства, сотрудничества и взаимности в отношениях между всеми людьми, народами и государствами, на идее единого международного правопорядка, добровольно устанавливаемого и последовательно соблюдаемого суверенными государствами.

Огромный вклад Гроция в разработку новой светской доктрины права международного общения дал основание для именования его "отцом международного права".

Существенное влияние на последующее развитие политико-правовой мысли и формирование теоретических основ нового светского "юридического мировоззрения" оказало учение Гроция о естественном и внутригосударственном праве, о договорном происхождении государства и волеустановленных форм права.

Вопрос 3 Учение Дж. Локка и Ш.-Л. Монтескье о государстве и праве

Джон Локк (1632–1704) – один из классиков раннебуржуазного либерализма. Его политико-правовые взгляды изложены в труде "Два трактата о государственном правлении" (1690).

По Дж. Локку, до возникновения государства люди пребывают в естественном состоянии. В предгосударственном общегитии нет "войны всех против всех". Индивиды, не испрашивая ничьего разрешения и не завися ни от чьей воли, свободно распоряжаются своей личностью и своей собственностью. Господствует равенство, "при котором всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого". Чтобы нормы (законы) общения, действующие в естественном состоянии, соблюдалась, природа наделила каждого возможностью судить преступивших закон и подвергать их соответствующим наказаниям. Однако в естественном состоянии отсутствуют органы, которые могли бы беспристрастно решать споры между людьми, осуществлять надлежащее наказание виновных в нарушении естественных законов и т. д. Все это порождает обстановку неуверенности, дестабилизирует обычную размеренную жизнь. В целях надежного обеспечения естественных прав, равенства и свободы, защиты личности и собственности люди соглашаются образовать политическое сообщество, учредить государство. Дж. Локк особенно акцентирует момент согласия: "Всякое мирное образование государства имело в своей основе согласие народа".

Государство представляет собой, по Дж. Локку, совокупность людей, соединившихся в

одно целое под эгидой ими же установленного общего закона и создавших судебную инстанцию, правомочную улаживать конфликты между ними и наказывать преступников. От всех прочих форм коллективности (семей, господских владений, хозяйственных единиц) государство отличается тем, что лишь оно воплощает политическую власть, т. е. право во имя общественного блага создавать законы (предусматривающие различные санкции) для регулирования и сохранения собственности, а также, право применять силу сообщества для исполнения этих законов и защиты государства от нападения извне.

Строя государство добровольно, прислушиваясь тут только к голосу разума, люди предельно точно (можно даже сказать, скупой) отмеряют тот объем полномочий, который они затем передают государству. О каком-либо полном, тотальном отказе индивидов от всех принадлежащих им естественных прав и свобод в пользу государства (что имело место, например, в учении Т. Гоббса) у Дж. Локка нет и речи. Право на жизнь и владение имуществом, свободу и равенство человек не отчуждает никому и ни при каких обстоятельствах. Эти неотчуждаемые ценности – окончательные границы власти и действия государства, преступать которые ему заказано.

Государство получает от образовавших его людей ровно столько власти, сколько необходимо и достаточно для достижения главной цели политического сообщества. Заключается же она в том, чтобы все (и каждый) могли обеспечивать, сохранять и реализовывать свои гражданские интересы: жизнь, здоровье, свободу "и владение такими внешними благами, как деньги, земли, дома, домашняя утварь и т. д.". Все перечисленное Дж. Локк называл одним словом – собственность.

На закон и законность Дж. Локк возлагал очень большие надежды. В установленном людьми общим законом, признанном ими и допущенном по их общему согласию в качестве меры добра и зла для разрешения всех коллизий, он усматривал первый конституирующий государство признак. Закон в подлинном смысле – отнюдь не любое предписание, исходящее от гражданского общества в целом или от установленного людьми законодательного органа. Титул закона имеет лишь тот акт, который указывает разумному существу поведение, соответствующее его собственным интересам и служащее общему благу. Если такой нормы-указания предписание в себе не содержит, оно не может считаться законом. Кроме того, по Дж. Локку, закону обязательно должны быть присущи стабильность и долговременность действия.

Ратуя за режим законности, он настаивал на следующем положении: кто бы конкретно ни обладал верховной властью в государстве, ему вменяется "управлять согласно установленным постоянным законом, провозглашенным народом и известным ему, а не путем импровизированных указов". Законы тогда способствуют достижению "главной и великой цели" государства, когда их все знают и все выполняют. В государстве абсолютно никто, никакой орган не может быть изъят из подчинения его законам. Такая позиция Дж. Локка определенно предвосхищала идею "правового государства", обстоятельно развитую в буржуазной политико-юридической литературе XVIII–XIX вв.

Высокий престиж закона проистекает из того, что он, по Дж. Локку, решающий инструмент сохранения и расширения свободы личности, который также гарантирует индивида от произвола и деспотической воли других лиц. "Там, где нет законов, там нет и свободы". Функция индивидуальной свободы не исчерпывается первостатейной ее значимостью для жизни отдельно взятого человека, ибо она является еще и неотъемлемой частью общего блага целостного политического организма. Вот почему нельзя достичь блага всех, если не обеспечить посредством законов свободы каждому. Эти идеи Дж. Локка поднимали европейскую науку о государстве и праве на новый уровень политико-юридической культуры, стимулируя разработку одной из центральных проблем данной науки ("государство–личность") в духе гуманизма.

Как все иные политические установления, как само государство, позитивные законы создаются по воле и решению большинства. Дж. Локк поясняет, что все совершаемое каким-либо сообществом (единым целым) делается исключительно с одобрения входящих в него

лиц. Всякое такое образование должно двигаться в одном направлении, и необходимо, чтобы оно "двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет согласие большинства". Отсюда заключение: каждый человек, согласившись вместе с другими образовать единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя "обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным". Тем самым Дж. Локк существенно скорректировал под углом зрения демократизма индивидуалистическое начало, которое присутствовало в его учении о государстве и праве. В свете такой корректировки было бы, вероятно, обоснованно квалифицировать это учение как либерально-демократическое.

Поддержание режима, свободы, реализация "главной и великой цели" политического сообщества непременно требуют, по Дж. Локку, чтобы публично-властные правомочия государства были четко разграничены и поделены между разными его органами. Правомочие принимать законы (законодательная власть) полагается только представительному учреждению всей нации – парламенту. Компетенция претворять законы в жизнь (исполнительная власть) подобает монарху и кабинету министров. Их дело ведать также сношениями с иностранными государствами (отправлять федеративную власть). Дж. Локк, однако, привнес в политическую теорию нечто гораздо большее, чем просто мысль о необходимости "уравновесить власть правительства, вложив отдельные ее части в разные руки".

Имея в виду не допускать узурпации кем-либо всей полноты государственной власти, предотвратить возможность деспотического использования этой власти, он наметил принципы связи и взаимодействия "отдельных ее частей". Соответствующие типы публично-властной деятельности располагаются им в иерархическом порядке. Первое место отводится власти законодательной как верховной (но не абсолютной) в стране. Иные власти должны подчиняться ей. Вместе с тем они вовсе не являются пассивными придатками законодательной власти и оказывают на нее (в частности, власть исполнительная) довольно активное влияние.

Вопрос о государственной форме, традиционный для европейской политической мысли со времен Аристотеля, тоже интересовал Дж. Локка. Правда, он не отдавал какого-то особого предпочтения ни одной из уже известных или могущих возникнуть форм правления; им лишь категорически отвергалось абсолютистски-монархическое устройство власти. Личные его симпатии склонялись скорее к той ограниченной, конституционной монархии, реальным прообразом которой являлась английская государственность, какой она стала после 1688 г.

В отношении правителей, которые осуществляют над своим народом деспотическую власть, у людей остается лишь одна возможность – "воззвать к небесам", применить силу "против несправедливой и незаконной силы". По закону, "изначальному и превосходящему все людские законы", народ "обладает правом судить о том, имеется ли у него достаточный повод обратиться к небесам". Суверенитет народа, по Дж. Локку, в конечном счете (и это ясно обнаруживается в кризисных ситуациях) выше, значительнее суверенитета созданного им государства. Если большинство народа решает положить предел наглости нарушивших общественный договор правителей, то вооруженное народное восстание с целью вернуть государство на путь свободы, закона, движения к общему благу будет совершенно правомерным. Тезис о праве народа на восстание – не случайный в либерально-буржуазной доктрине Дж. Локка. Провозглашая его, мыслитель как бы реабилитировал уже произведенную государственным переворотом 1688 г. смену формы правления и прямо предостерегал королевскую власть на будущее от посягательств на завоевания английской революции.

Учение Дж. Локка о государстве и праве явилось классическим выражением идеологии раннебуржуазных революций со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Оно вобрало в себя многие достижения политико-юридического знания и передовой научной мысли XVII в. В нем эти достижения были не просто собраны, но углублены и переработаны с учетом исторического опыта, который дала революция в Англии. Таким образом, они стали

пригодными для того, чтобы ответить на высокие практические и теоретические запросы политико-правовой жизни следующего, XVIII столетия – столетия Просвещения и двух крупнейших буржуазных революций нового времени на Западе: французской и американской.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755) – один из ярких представителей французского Просвещения, выдающийся юрист и политический мыслитель.

Наряду с юриспруденцией и политикой в поле его внимания и творчества находились проблемы философии, этики, истории, социологии, религии, политической экономии, естественных наук, искусства и литературы. Развернуто и последовательно гуманистическая и просветительская позиция Монтескье представлена в трактате "О духе законов" (1748). Эта книга, сделавшая Монтескье одним из авторитетных классиков во всемирной истории политической и правовой мысли, была встречена идеологами тогдашнего абсолютизма и церкви злобной критикой и сразу же внесена в черные списки "Индекса запрещенных книг". Монтескье достойно встретил атаку реакционных сил и блестяще ответил им в своей "Защите "О духе законов" (1750).

Главная тема всей политико-правовой теории Монтескье и основная ценность, отстаиваемая в ней, – политическая свобода. К числу необходимых условий обеспечения этой свободы относятся справедливые законы и надлежащая организация государственности.

В поисках "духа законов", т.е. закономерного в законах, он опирался на рационалистические представления о разумной природе человека, природе вещей и т.д. и стремился постигнуть логику исторически изменчивых позитивных законов, порождающие их факторы и причины.

Свой подход Монтескье характеризовал следующим образом: "Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии. Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона".

Применительно к человеку законы природы (естественные законы) трактуются Монтескье как законы, которые "вытекают единственно из устройства нашего существа". К естественным законам, по которым человек жил в естественном (дообщественном) состоянии, он относит следующие свойства человеческой природы: стремление к миру, к добыванию себе пищи, к отношению с людьми на основе взаимной просьбы, желание жить в обществе.

Монтескье специально отмечал неправоту Гоббса, приписывавшего людям изначальную агрессивность и желание властвовать друг над другом. Напротив, человек, по Монтескье, вначале слаб, крайне боязлив и стремится к равенству и миру с другими. Кроме того, идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что не может быть первой во времени идеей человека.

Но как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости. Исчезает существовавшее между ними равенство, начинаются войны двоякого рода – между отдельными лицами и между народами. "Появление этих двух видов войны, – писал Монтескье, – побуждает установить законы между людьми". Появляются законы, определяющие отношения между народами (международное право); законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми (политическое право); законы, которые определяют отношения всех граждан между собой (гражданское право).

Потребность людей, живущих в обществе, в общих законах обуславливает, согласно Монтескье, необходимость образования государства: «Общество не может существовать без правительства. "Соединение всех отдельных сил, – как прекрасно говорит Гравина, – образует то, что называется политическим состоянием (государством)"». Такое соединение силы отдельных людей предполагает наличие уже единства их воли, т.е. гражданское состояние. Для образования государства (политического состояния) и установления общих

законов необходимо, таким образом, достаточно развитое состояние жизни людей в обществе, которое Монтескье (со ссылкой на Гравину) называет гражданским состоянием.

Положительный (человеческий) закон предполагает объективный характер справедливости и справедливых отношений. Справедливость предшествует положительному закону, а не впервые им создается. "Законам, созданным людьми, должна была, – подчеркивал Монтескье, – предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начертан круг, его радиусы не были равны между собою".

Закон вообще – это, по Монтескье, человеческий разум, управляющий всеми людьми. Поэтому "политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума". В процессе реализации такого подхода Монтескье исследует факторы, образующие в своей совокупности "дух законов", т. е. то, что определяет разумность, правомерность, законность и справедливость требований положительного закона.

Перечисляя необходимые отношения, порождающие закон (т. е. законообразующие отношения и факторы), Монтескье прежде всего обращает внимание на характер и свойства народа, которым должен соответствовать закон, устанавливаемый для данного народа.

Далее, Монтескье отмечает необходимость соответствия положительных законов природе и принципам установленного правительства (т.е. форме правления), географическим факторам и физическим свойствам страны, ее положению и размерам, ее климату (холодному, жаркому или умеренному), качеству почвы, образу жизни населения (земледельцев, охотников, торговцев и т. д.), его численности, богатству, склонностям, нравам и обычаям и т. д. Специальное внимание уделяется необходимости учета взаимосвязанности законов (или, как сейчас бы сказали, системной целостности законодательства), особых обстоятельств возникновения того или иного закона, целей законодателя и т.п.

Решающее влияние на законы, согласно Монтескье, оказывают природа и принцип правительства, учреждаемого в гражданском состоянии. Он различает три образа (формы) правления: республиканский, монархический и деспотический. При республиканском правлении верховная власть находится в руках или всего народа (демократия), или его части (аристократия). Монархия – это правление одного человека, но посредством твердо установленных законов. В деспотии всё определяется волей и произволом одного лица вне всяких законов и правил. Такова, по оценке Монтескье, природа каждого образа правления, из которой вытекают "основные краеугольные законы" данной формы правления.

Говоря о законах, вытекающих непосредственно из природы различных форм правления, Монтескье применительно к демократии отмечает, что здесь народ является государем только в силу голосований, которыми он изъявляет свою волю. Поэтому основными для демократии он считает законы, определяющие право голосования. Народ, утверждает он, способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам. В соответствии с этим законы в условиях демократии должны предусматривать право народа избирать своих уполномоченных (должностных лиц государства) и контролировать их деятельность. К числу основных в демократии относится и закон, определяющий саму форму подачи избирательных бюллетеней, включая вопросы об открытом или тайном голосовании и т.д.

Одним из основных законов демократии является закон, в силу которого законодательная власть принадлежит только народу.

К основным законам аристократии он относит те, которые определяют право части народа издавать законы и следить за их исполнением. В общем виде Монтескье отмечает, что аристократия будет тем лучше, чем более она приближается к демократии, что, естественно, и должно определять, по его мнению, главное направление аристократического законодательства в целом.

В монархии, где источником всякой политической и гражданской власти является сам

государь, к основным Монтескье относит законы, которые определяют "существование посредствующих каналов, по которым движется власть", т. е. наличие "посредствующих, подчиненных и зависимых" властей, их полномочий. Главной из них является власть дворянства, так что без дворянства монарх становится деспотом. "Уничтожьте в монархии прерогативы сенаторов, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое".

Основным законом деспотического правления, где, собственно, нет законов и их место занимают произвол и прихоть деспота, религия и обычаи, является наличие должности полновластного визиры.

Природа каждой формы правления, таким образом, определяет основные, конституирующие данный строй (и в этом смысле – конституционные) законы.

Природе каждого вида правления соответствует и свой принцип, приводящий в движение механизм человеческих страстей, – особый для данного политического строя.

В республике (и особенно в демократии) таким принципом является добродетель, в монархии – честь, в деспотии – страх. Монтескье специально подчеркивает, что, говоря об этих принципах, он имеет в виду не реально существующее положение, а должный (соответствующий каждому строю) порядок: "Из этого следует лишь, что так должно быть, ибо иначе эти государства не будут совершенными".

Характеризуя законотворческое значение и законообразующую силу соответствующего принципа, Монтескье пишет: "...законы вытекают из него, как из своего источника".

Специальное внимание Монтескье уделяет проблеме соотношения закона и свободы. Он различает два вида законов о политической свободе: 1) законы, устанавливающие политическую свободу в ее отношении к государственному устройству, и 2) законы, устанавливающие политическую свободу в ее отношении к гражданину. Речь, следовательно, идет об институциональном и личностном аспектах политической свободы, подлежащих законодательному закреплению. Без сочетания этих двух аспектов политическая свобода остается неполной, нереальной и необеспеченной. "Может случиться, – замечает Монтескье, – что и при свободном государственном строе гражданин не будет свободен, или при свободе гражданина строй все-таки нельзя будет назвать свободным. В этих случаях свобода строя бывает правовая, но не фактическая, а свобода гражданина – фактическая, но не правовая".

Монтескье подчеркивает, что политическая свобода возможна вообще лишь при умеренных правлениях, но не в демократии или аристократии, а тем более в деспотии. Да и при умеренных правлениях политическая свобода имеет место лишь там, где исключена возможность злоупотребления властью, для чего необходимо достичь в государстве разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Такое умеренное правление характеризуется как "государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему дозволяет".

Основная цель разделения властей – избежать злоупотребления властью. Чтобы пресечь такую возможность, подчеркивает Монтескье, "необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга". Подобное взаимное сдерживание властей – необходимое условие их правомерного и согласованного функционирования в законно очерченных границах. "Казалось бы, – пишет он, – эти три власти должны прийти в состояние покоя и бездействия. Но так как необходимое течение вещей заставит их действовать, то они будут вынуждены действовать согласованно". При чем ведущие и определяющие позиции в системе различных властей занимает, согласно Монтескье, законодательная власть.

Разделение и взаимное сдерживание властей являются, согласно Монтескье, главным условием для обеспечения политической свободы в ее отношениях к государственному устройству. "Если, – замечает он, – власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что

этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц".

Монтескье при этом подчеркивает, что политическая свобода состоит не в том, чтобы делать то, что хочется. "В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть... Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане".

Личностный аспект свободы – политическая свобода в ее отношении уже не к государственному устройству, а к отдельному гражданину – заключается в безопасности гражданина. Рассматривая средства обеспечения такой безопасности, Монтескье придает особое значение доброкачественности уголовных законов и судопроизводства. "Если не ограждена невиновность граждан, то не ограждена и свобода. Сведения о наилучших правилах, которыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве, важнее для человечества всего прочего в мире. Эти сведения уже приобретены в некоторых странах и должны быть усвоены прочими".

Политическая свобода граждан в значительной степени зависит от соблюдения принципа соответствия наказания преступлению. Свобода, по Монтескье, торжествует там, где уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой самих преступлений: наказание здесь зависит не от произвола и каприза законодателя, а от существа дела. Такое наказание перестает быть насилием человека над человеком. Причем "законы обязаны карать одни только внешние действия".

Для обеспечения свободы необходимы и определенные судебные формальности (процессуальные правила и формы) – правда, в такой степени, чтобы они содействовали целям реализации закона, но не превратились бы в препятствие для этого.

Составной частью учения Монтескье о законах являются его суждения о различных разрядах (типах) законов. Люди, отмечает он, управляются различными законами: естественным правом; божественным правом (правом религии); церковным (каноническим) правом; международным правом (вселенским гражданским правом, по которому каждый народ есть гражданин вселенной); общим государственным правом, относящимся ко всем обществам; частным государственным правом, имеющим в виду отдельное общество; правом завоевания; гражданским правом отдельных обществ; семейным правом.

Ввиду наличия этих различных разрядов законов, замечает Монтескье, "высшая задача человеческого разума состоит в том, чтобы точным образом определить, к какому из названных разрядов по преимуществу относятся те или иные вопросы, подлежащие определению закона, дабы не внести беспорядка в те начала, которые должны управлять людьми".

Специальное внимание Монтескье уделяет способам составления законов, законодательной технике. Основопологающим принципом законодательства является умеренность: "дух умеренности должен быть духом законодателя". Он формулирует, в частности, следующие правила составления законов, которыми должен руководствоваться законодатель. Слог законов должен быть сжатым и простым. Слова закона должны быть однозначными, вызывая у всех людей одни и те же понятия. Законы не должны вдаваться в тонкости, поскольку "они предназначены для людей посредственных и содержат в себе не

искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства". Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то лучше обходиться без них. Мотивировка закона должна быть достойна закона. "Подобно тому, как бесполезные законы ослабляют действие необходимых законов, законы, от исполнения которых можно уклониться, ослабляют действие законодательства". Не следует запрещать действия, в которых нет ничего дурного, только ради чего-то более совершенного. "Законам должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью".

Учение Монтескье о "духе законов" и разделении властей оказало существенное воздействие на всю последующую политико-правовую мысль, особенно на развитие теории и практики правовой государственности.

Вопрос 4 Политико-правовое учение Жан-Жака Руссо

Жан-Жак Руссо (1712–1778) – один из ярких и оригинальных мыслителей во всей истории общественных и политических учений.

Его социальные и политико-правовые взгляды изложены в работе "Об общественном договоре, или Принципы политического права" (1762).

Проблемы общества, государства и права освещаются в учении Руссо с позиций обоснования и защиты принципа и идей народного суверенитета.

Распространенные в то время представления о естественном состоянии Руссо использует как гипотезу для изложения своих, во многом новых, взглядов на весь процесс становления и развития духовной, социальной и политико-правовой жизни человечества.

В естественном состоянии, по Руссо, нет частной собственности, все свободны и равны. Неравенство здесь вначале лишь физическое, обусловленное природными различиями людей. Однако с появлением частной собственности и социального неравенства, противоречивших естественному равенству, начинается борьба между бедными и богатыми.

Выход из таких условий, инспирированный "хитроумными" доводами богатых и вместе с тем обусловленный жизненными интересами всех, состоял в соглашении о создании государственной власти и законов, которым будут подчиняться все. Однако, потеряв свою естественную свободу, бедные не обрели свободы политической. Созданные путем договора государство и законы "наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету".

Неравенство частной собственности, дополненное политическим неравенством, привело, согласно Руссо, в конечном счете к абсолютному неравенству при деспотизме, когда по отношению к деспоту все равны в своем рабстве и бесправии.

В противовес такому ложному, порочному и пагубному для человечества направлению развития общества и государства Руссо развивает свою концепцию "создания Политического организма как подлинного договора между народами и правителями".

При этом основную задачу подлинного общественного договора, кладущего начало обществу и государству и знаменующего превращение скопления людей в суверенный народ, а каждого человека – в гражданина, он видит в создании "такой формы ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде".

Каждый, передавая в общее достояние и ставя под единое высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, превращается в нераздельную часть целого. Последствия общественного договора, по Руссо, таковы: "Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это

Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся, следовательно, в результате объединения всех других, некогда именовалось Гражданскою общиною, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом: его члены называют этот Политический организм Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою – при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти и подданными как подчиняющиеся законам Государства".

Обосновываемая Руссо концепция общественного договора выражает в целом идеальные его представления о государстве и праве.

Основная мысль Руссо состоит в том, что только установление государства, политических отношений и законов, соответствующих его концепции общественного договора, может оправдать – с точки зрения разума, справедливости и права – переход от естественного состояния в гражданское. Подобные идеальные представления Руссо находятся в очевидном противоречии с его же догадками о роли частной собственности и неравенства в общественных отношениях и обусловленной этим объективной необходимости перехода к государству.

Уже первое предложение "Общественного договора" – "Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах" – нацеливает на поиски путей разрешения этого противоречия с ориентацией на идеализированные черты "золотого века" естественного состояния (свобода, равенство и т. д.). Подобная идеализация естественного состояния диктуется идеальными требованиями Руссо к гражданскому состоянию, которое должно в новой (политической) форме возместить людям то, "что они якобы уже имели до образования государства и чего они, следовательно, несправедливо лишены в условиях сложившейся неправильной государственности. Таким образом, завышение достоинств прошлого дает руссоистской доктрине надлежащие высокие критерии и масштаб для критики современности и требований к будущему. Кстати говоря, по той же самой логике, но с противоположными целями сторонники абсолютной монархии, напротив, утверждали, что человек рождается бесправным подданным.

В трактовке Руссо современный ему феодальный строй, критически соотнесенный с буржуазно-демократическими принципами общественного договора, лишается своей легитимности, справедливого и законного характера – словом, права на существование: он держится не на праве, а на силе. В плоскости же соотношения сил проблема, по оценке Руссо, выглядит следующим образом: "...пока народ, принужден повиноваться и повинуетя, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его – он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать". Такой подход, по существу, обосновывал и оправдывал насильственный, революционный путь низвержения феодальных порядков.

Но сила, согласно Руссо, не создает права – ни в естественном, ни в гражданском состоянии. Моральное вообще не может быть результатом физической мощи. "Право сильнейшего" он называет правом в ироническом смысле: "Если нужно повиноваться, подчиняясь силе, то нет необходимости повиноваться, следуя долгу; и если человек больше не принуждается к повиновению, то он уже и не обязан это делать. Отсюда видно, что слово право ничего не прибавляет к силе. Оно здесь просто ничего не значит".

Основой любой законной власти среди людей могут быть лишь соглашения. "Несомненно, – писал Руссо, – существует всеобщая справедливость, исходящая от разума, но эта справедливость, чтобы быть принятой нами, должна быть взаимной... Необходимы, следовательно, соглашения и законы, чтобы объединить права и обязанности и вернуть справедливость к ее предмету".

Условия перехода к государству Руссо трактует следующим образом: то, что отчуждается у каждого изолированного индивида в пользу образуемого по общественному договору целого

(народа, суверена, государства) в виде естественного равенства и свободы, возмещается ему (но уже как неразрывной части этого целого, члену народа-суверена, гражданину) в виде договорно установленных (позитивных) прав и свобод. Происходит, говоря словами Руссо, как бы эквивалентный "обмен" естественного образа жизни людей на гражданский образ жизни.

Благодаря общественному договору все оказываются "равными в результате соглашения и по праву".

Вместе с тем Руссо отмечает, что "при дурных Правлениях это равенство лишь кажущееся и обманчивое; оно служит лишь для того, чтобы бедняка удерживать в его нищете, а за богачом сохранить все то, что он присвоил". Не отрицая самой частной собственности, Руссо вместе с тем выступает за относительное выравнивание имущественного положения граждан и с этих эгалитаристских позиций критикует роскошь и излишки, поляризацию богатства и бедности. В общественном состоянии, считает Руссо, "ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один – быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать; это предполагает в том, что касается до знатных и богатых, ограничение размеров их имущества и влияния, что же касается до людей малых – умерение скарעדности и алчности".

В основе общественного договора и правомочий формируемого суверенитета лежит общая воля. Руссо при этом подчеркивает отличие общей воли от воли всех: первая имеет в виду общие интересы, вторая – интересы частные и представляет собой лишь сумму изъявленной воли частных лиц. "Но, – поясняет он, – отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля".

Вместе с тем суверен, согласно Руссо, не связан собственными законами. Если бы суверен предписал сам себе такой закон, от которого он не мог бы себя освободить, это, по мысли Руссо, противоречило бы самой природе политического организма: "Нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом, для него не обязателен даже Общественный договор".

Суверен "стоит выше и судьи, и Закона". Власть суверена, по Руссо, включает в себя его безусловное право на жизнь и смерть подданных. "Итак, – пишет он, – гражданину уже не приходится судить об опасности, которой Закону угодно его подвергнуть, и когда государь говорит ему: "Государству необходимо, чтобы ты умер", то он должен умереть, потому что только при этом условии он жил до сих пор в безопасности и потому что его жизнь не только благодеяние природы, но и дар, полученный им на определенных условиях от Государства".

Такой антииндивидуалистической формулировки нет даже у эгалиста Гоббса.

В своей идеализированной конструкции народного суверенитета Руссо отвергает требования каких-либо гарантий защиты прав индивидов в их взаимоотношениях с государственной властью. "Итак, – утверждает он, – поскольку суверен образуется лишь из частных лиц, у него нет и не может быть таких интересов, которые противоречили бы интересам этих лиц; следовательно, верховная власть суверена несколько не нуждается в поручителе перед подданными, ибо невозможно, чтобы организм захотел вредить всем своим членам".

Соответствующие гарантии, согласно Руссо, нужны против подданных, чтобы обеспечить выполнение ими своих обязательств перед сувереном. Отсюда, по мысли Руссо, и проистекает необходимость принудительного момента во взаимоотношениях между государством и гражданином. "Итак, – отмечает он, – чтобы общественное соглашение не стало пустою формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным".

В целом общественное соглашение, по словам Руссо, дает политическому организму (государству) неограниченную власть над всеми его членами. Эту власть, направляемую

общей волей, он и именует суверенитетом. По смыслу концепции Руссо, суверенитет един, и речь вообще может и должна идти об одном-единственном суверенитете – суверенитете народа. При этом под "народом" как единственным сувереном у Руссо имеются в виду все участники общественного соглашения (т. е. взрослая мужская часть всего населения, всей нации), а не какой-то особый социальный слой общества (низы общества, бедные, "третье сословие", "трудящиеся" и т.д.), как это стали трактовать впоследствии радикальные сторонники его концепции народного суверенитета (якобинцы и т. д.).

С пониманием суверенитета как общей воли народа связаны и утверждения Руссо о том, что суверенитет неотчуждаем и неделим. Как отчуждение суверенитета от народа в пользу тех или иных лиц или органов, так и его деление между различными частями народа, по логике учения Руссо, означали бы отрицание суверенитета как общей воли всего народа.

Народ как суверен, как носитель и выразитель общей воли, по Руссо, "может быть представляем только самим собою". "Передаваться, – подчеркивает он, – может власть, но никак не воля". Тем самым Руссо, по существу, отрицал как представительную форму власти (парламент или другой законодательный орган в форме народного представительства), так и принцип и идеи разделения верховной, суверенной власти в государстве на различные власти.

Законодательная власть как собственно суверенная, государственная власть может и должна, по Руссо, осуществляться только самим народом-сувереном непосредственно. Что же касается исполнительной власти, то она, "напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, которые вообще не относятся к области Закона, ни, следовательно, к компетенции суверена, все акты которого только и могут быть, что законами".

Исполнительная власть (правительство) создается не на основе общественного договора, а по решению суверена в качестве посредствующего организма для сношений между подданными и сувереном.

В зависимости от того, кому вручена исполнительная власть (всем, некоторым, одному), Руссо различает такие формы правления, как демократия, аристократия, монархия. Эти различия в учении Руссо играют подчиненную роль, поскольку предполагается, что во всех формах правления суверенитет и законодательная власть принадлежат всему народу. В общем виде Руссо отмечает, что "демократическое Правление наиболее пригодно для малых Государств, аристократическое – для средних, а монархическое – для больших". При этом всякое правление посредством законов Руссо считает республиканским правлением. "Таким образом, – подчеркивает он, – я называю Республикой всякое Государство, управляемое посредством законов, каков бы ни был при этом образ управления им".

Для поддержания положений общественного договора и контроля за деятельностью исполнительной власти, по мысли Руссо, периодически должны созываться народные собрания, на которых следует ставить на голосование в отдельности два вопроса: "Первое: угодно ли суверену сохранить настоящую форму Правления. Второе: угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено".

Народ, по Руссо, имеет право не только изменить форму правления, но и вообще расторгнуть само общественное соглашение и вновь возратить себе естественную свободу.

Руссо различает четыре рода законов: политические, гражданские, уголовные и законы четвертого рода, "наиболее важные из всех", – "нравы, обычаи и особенно мнение общественное". При этом он подчеркивает, что к его теме общественного договора относятся только политические законы.

Цель всякой системы законов – свобода и равенство. Свобода, подчеркивает Руссо, вообще не может существовать без равенства. "Именно потому, что сила вещей всегда стремится уничтожить равенство, сила законов всегда и должна стремиться сохранять его".

В духе Монтескье и других авторов Руссо говорит о необходимости учета в законах своеобразия географических факторов страны, занятий и нравов народа и т. д. "Кроме правил, общих для всех, каждый народ в себе самом заключает некое начало, которое

располагает их особым образом и делает его законы пригодными для него одного". И следует дожидаться поры зрелости народа, прежде чем подчинять его законам: "Если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал". С этих позиций он критикует Петра I за то, что он подверг свой народ "цивилизации чересчур рано", когда тот "еще не созрел для уставов гражданского общества"; Петр "хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских".

Законы – необходимые условия гражданской ассоциации и общежития. Но создание системы законов – дело великое и трудное, требующее больших знаний и проницательности для достижения союза разума и воли в общественном организме. Это "порождает нужду в Законодателе", под которым имеются в виду учредители государств, реформаторы в области политики, права и морали.

Законодательную власть Руссо характеризует как "сердце Государства". "Не законами живо Государство, – пишет он, – а законодательной властью. Закон, принятый вчера, не имеет обязательной силы сегодня; но молчание подразумевает молчаливое согласие, и считается, что суверен непрестанно подтверждает законы, если он их не отменяет, имея возможность это сделать":

Своим учением о законе как выражении общей воли и о законодательной власти как прерогативе неотчуждаемого народного суверенитета, своей концепцией общественного договора и принципов организации государства Руссо оказал огромное воздействие на последующее развитие государственно-правовой мысли и социально-политической практики. Его доктрина стала одним из основных идейных источников в процессе подготовки и проведения французской буржуазной революции, особенно на ее якобинском этапе.